

Зимняя Книга Югры

Издательские решения
По лицензии Ridero
2021

УДК 82-3
ББК 84
3-62

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Зимняя Книга Югры. — [б. м.] : Издательские решения, 2021. —
3-62 106 с.
ISBN 978-5-0055-7648-4

Югорская земля — край, одним из главных богатств которого являются зимы. Они не такие короткие и малозаметные, как в средней полосе России, не такие лютые и бесконечные, как в Заполярье. Югорские зимы — явления пышные, мягкие и блестящие.

И в то же время в территорию Югры впаяны яркими алмазами человеческие поселения — города, самым крупным из которых является Сургут.

Вниманию читателей представляется сборник зимних стихотворений и рассказов авторов города Сургута.

УДК 82-3
ББК 84

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-0055-7648-4 © Вячеслав Сазанович, дизайн обложки, 2021

НИКОН СОЧИХИН

Разрешите с вами познакомиться
И немного проводить домой.
Вечерами, когда ветер колется,
И снег метёт и всё никак не кончится,
Так бесприютны улицы порой.

Я не буду задавать вопросов,
Вы устали, я уж помолчу.
Но в проулках, где лежат заносы,
Как белые лохматые барбосы,
Какой ни есть я след вам протопчу.

И у подъезда голову морочить
Не стану я пустяшной болтовнёй.
И, чтоб прощанье было покороче,
Я пожелаю вам спокойной ночи,
Приятных снов, а сам пойду домой.

По той тропе, где только что прошли вы
И где ещё чуть различим ваш след,
Как юноша загадочно-счастливый,
И пусть сосед по койке молчаливо
Шуршит всю ночь подшивками газет.

Пускай шуршит. Пускай себе читает.
Я понимаю — парень с буровой.
Смотрю, как в форточку снежинки залетают,
Их свет привлёк. И вот, бедняжки, тают.
Как хорошо. Как грустно. Боже мой!

Какая погода! Я даже не верю.
Но лица помбуров сияют: Живём!
Окончилась вахта. На лыжи скорее –
Поздравить тайгу с наступающим днём.

Иду напрямик по упругому насту
Один, никуда ни за чем не спеша.
И всем я – товарищ.
И все-то мне: «Здравствуй!»
В такие часы прозревает душа.

Я вижу и слышу, как, встав ото сна,
Глубоко по-женски вздохнула сосна.

Как шепчет заутреню бабушка-ель,
Покоя в подоле метели кудель.

Как в небе, сияя во всю эту ширь,
Солнце взошло – красногрудый снегирь.

Как чисто и звонко на лёгком морозе
Рассыпалась дятла весенняя дробь....

Я тихонько-тихо о локоть к берёзе,
И сердце невольно взяла оторопь.

И вся-то опушка блестит перламутром.
А прелесть какая – сказать не берусь.
И рыжая модница где-то под утро
Здесь обронила ниточку бус.

СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ

Кто он, неведомый художник?
Каков? И в чём его секрет?
На полюс водрузив треножник,
Рисует он. Но чей портрет?

То гений. То пустой марака.
Что хочет в мир провозвести,
Когда проглянет вдруг из мрака
Такое — глаз не отвести?

И мы глядим, как вдохновенно
Творит он эти чудеса.
А буровая, — как антенна,
Нацеленная в небеса

ЗИМНЕЕ УТРО

В далях перламутра
Пробудилось утро.

Зимнее, морозное,
И совсем не грозное.

Вот вспорхнули снегири,
Словно искорки зари.

На рябинку сели,
Сели и запели:

— Просыпайтесь поскорей,
Поднимайтесь веселей,

Взрослые и детвора,
Утро! Завтракать пора!

Февраль снега протёр на тёрке
И холодам подвёл черту.
Я в старом парке возле горки
Тебя впервые в жизни жду.

В той шубке, памятной до боли,
Пришла ты мной повелевать.
И я послушно, как невольник,
Готов приказы исполнять.

И вот, смешной и оробелый –
Ни жив, ни мёртв – иду с тобой...
А снег валит! Он белый – белый...
Он белый – прямо голубой!

Прощайте, вьюги и метели,
Теперь до новой уж зимы.
Но в самом деле, в самом деле,
Соскучились по солнцу мы.

И мне сегодня показалось:
Оно готово нам светить,
Как мать, что сына наказала
И рада малыша простить.

Видно так повелось уж исстари,
В человечесий войдя обиход,
Мы желаем друг другу искренне
Всего лучшего в Новый год.

Чтоб улыбчивым было небо,
Чтоб не ссорились люди Земли,
Чтоб хватало тепла и хлеба,
Хорошо бы ещё – любви.

И чтоб дети не знали сиротства,
И чтоб старость была свята,
И чтоб были в цене благородство,
Добродетели и простота.

И однако – сегодня только –
Я желаю всего сильней,
Чтобы в каждой семье была ёлка
И горели б огни на ней.

АЛЕКСАНДРА ЛАЗАРЕВА

ЗИМНИЙ ОТПУСК

Зимний отпуск был очень короткий —
Рождество, да четыре дня.
И в деревне родные тётки
Не надеялись на меня.

— Может быть, она ближе к лету
Нас захочет опять навестить.
Ведь теперь её матери нету,
Не захочет сюда спешить.

Доказать своих слов не успели,
Зазвенело от стука окно.
А потом мы, обнявшись, ревели,
Под пельмени пили вино.

Будто все собрались на битву.
Я страдала. Но что я могла?

.....

Только ночь я у них провела.
Мне вослед прочитали молитву.

ПОДРУГАМ ДЕТСТВА

Отступают все злые недуги,
И уходит печаль за моря.
Ведь встречались мы с вами, подруги,
Значит, отпуск прошёл не зря.

В нашей жизни быт верховодит,
В ней, как прежде, работа, семья.
Но при встречах теряются годы,
Когда рядом детства друзья.

Охлажденным северным ветром,
От разлук нам тоски не унять.
Мелочь — тысяча километров,
Если в мыслях встреча опять.

ВЕТЕР С УРАЛА

По теплу тебя, ветер, узнала
И по добрым объятьям твоим.
Ты, наверно, родимый, с Урала
Мёрзнешь здесь, средь Сургутских зим.

Задержись на огромном проспекте,
Улететь от меня не спеши.
И не пой мне о целом свете,
О деревне моей расскажи.

Нет тебе там достойной работы —
Дуть легко на подворьях пустых.
На дороге — сугробы-сумёты,
А в домах — моя память и стих.

У сиротских домов — ни полена,
Редкий строй беззаботных столбов.
И не ждут своих жителей стены,
Ясли фермы не ждут коров.

Чаще снится мне нынче стала
Беззаботная прошлая жизнь...
Если вновь долетишь до Урала,
Ты родимой земле поклонись.

Лунный шар улыбкою морозит,
В небо, словно в пруд застывший влип.
А по снегу саночек полозья
Напевают, усыпляя: «скрип, да скрип».

Медленно рассвет в деревне блудит,
Улыбается по-доброму в лицо.
Поспешают, просыпаясь, люди
На родное деревенское крыльцо.

С любопытством щурятся глазёнки
В улицы заснеженную даль.
Прикрывает личико девчонки
Накиднáя клетчатая шаль.

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

Светлый миг Рождества —
Отпуск в несколько дней.
Подтвержденье родства
С тётёй Валею моею.

Что от мамы хранят,
В забытьё не ушло.
Добрый тётушкин взгляд,
Занавесок тепло.

Мыслей свет — высота,
На полотах теплей.
И молитва светла
В доме тётю моею.

Только возраст и боль
Омрачают глаза.
«Поезжай, Бог с тобой!»
И блеснула слеза...

СИБИРЯКИ

Своенравием, да капризами
Удивляет краса-зима:
То тепло на январь нанизывать,
То морозом стучать в дома.

То расплечется с крыш капелями,
То ветрами — дверь нараспашь.
Или вьюгами, да метелями
Ухнуть хочет на город наш.

Только люд эту зиму сибирскую,
Всем капризам её вопреки
Любит силою богатырскою,
Потому что — Сибиряки!

ОЖИДАНИЕ

Двадцать восемь. Декабрь. Тревожно.
Я с бессонницею воюю.
Успокоиться невозможно —
Ты опять — на буровую.

Дети тихо сопят. И снова
От окна отойти не могу.
Лишь бы только ты был здоровый,
Лишь бы ты не попал в пургу.

Я управлюсь с делами, ты верь мне,
Я сильнее разлук и тревог.

И с молитвою жду у двери:
Сохрани, помоги тебе Бог!

И опять объявляют: «нелётную»,
Не до праздника тут, не до смеха.
Вдруг бегут наши дети с воплями:
«Мама! Папа приехал! Приехал!»

ЛЮБОВЬ КОРОБКИНА

НОВОГОДНЯЯ ПÁРА

В сугробах пышных
Тротуары.
Под пледом — нега...
Мемуары
Пишу о том, что за окном:
Зима даёт морозом жáру,
И с внучкой Дед Мороз напáру
Дары разносит в каждый дом.

НОВЫЙ ГОД ПО-ВОСТОЧНОМУ

На журнальном столе новогоднем —
Лик иконы, свеча зажжена...
Год Быка я встречаю сегодня
В одиночку бокалом вина.

Закусила глоток, брызнув соком,
Спелым яблоком — плодом греха.
Доказательство Евы порока
Не однажды воспето в стихах.

КРЕЩЕНСКОЮ НОЧЬЮ

Молила: «Гори, всё плохое, в огне
Свечи не простой, а церковной».
И многое в пламени виделось мне
Крещенскую ночью безмолвной:

Вон церковь. Река. Ледяная купель.
И бабушка рядом с народом.
Хор мальчиков стройно, торжественно пел
Во славу крещения оды.

Иконы и золотом шитый наряд –
Всё в бликах морозного солнца.
Свершалось чудо – Крещенья обряд,
Звенела водица по донцам...

Померкла свеча, не совсем догорев,
Отдав свою жизнь очищенью
И тайной усладе гадающих дев...
Ах, чудная ночь на Крещенье!

ВАЛЬС ВОЗВРАЩЕНИЯ

Падает снег на мой город уснувший,
В ночь-забытьё с головой утонувший.
С грустью смотрю на снеговращенье –
Чудится вальс твоего возвращенья.

Рада мечте, всё ж реальностью ставшей, –
Ты возвратился немного уставший,
Запахом моря и солнца пропахший,
С целой охапкой ромашек опавших.

Руки мои парой крыльев взлетают,
Тихо и нежно тебя обнимают,
После дороги усталость снимая...
Нет, не колдунья, а просто – жена я.

РЯБИНЕ

С промёрзших ягод иней
Оттаает на губах.
Румянец на рябине
И на моих щеках.

Уж не горчит голуба,
Отдав морозу честь...
Пускай чуть ломит зубы,
Зато приятно есть.

Снег летит лопастый,
Мягкий, лопухастый,
Медленно ложится
На мой нос, ресницы.
Весело, щекотно
Ручейком бежит,
Мáнит приворотно,
Как гипноз, кружит.
Душу белизною
Очищает снег.
Рядышком со мною
Близкий человек.

Медленно, вальяжно
В воздухе кружится,
Словно пух лебяжий,
Мягкий снег ложится.

И, макушки сосен
В шапки одевая,
Землю белым впросинь
Пледом укрывает.

НОВОГОДНЯЯ ВСТРЕЧА

Праздник этот, как дети, все любят,
В Новый год хочешь верить всему.
Так пускай он скорее наступит,
Дверь пошире откройте ему.
Скоро ёлки в квартирах зажгутся,
Ночь оденется в тайны вуаль,
И друзья за столом соберутся,
Стол украсит свеча и хрусталь.
Вспомнят старого года изьяны,
И который по счёту уж год
Режиссёр наш любимый — Рязанов —
У экранов народ соберёт.

Давай не будем теревить
Воспоминания с тобою,
А просто будем жить, любить,
Сколь нам отмерено судьбою.
И каждый день (вот повезло!)
Мы будем радовать друг друга,
И будет нам вдвоём тепло,
Хоть за окном — мороз и вьюга.

НОВОГОДНИЙ НОКТЮРН

Новогодняя ночь за окном
Снова сказкою будет,
Навеяв мечты об одном:
Будьте счастливы, люди!
В небе звёзды, мерцая, горят,
Словно свечи на блюде,
И мерцаньем своим говорят:
Будьте счастливы, люди!
Этой ночью раскатистый смех
Тишину вдруг разбудит,
Зазвучит он призывом для всех:
Будьте счастливы, люди!
В Новый год вдруг откроется дверь –
Чародейка придёт,
Пожелает всем жить без потерь:
Будьте счастливы, люди!

СЕРГЕЙ СМЕТАНИН

СЕННОЙ ДВЕРИ ЖИЛОГО ВАГОНЧИКА

О, как ты стонешь в большую стужу,
Дверь, открываемая наружу!
Привет толкающимся в тебя,
И ручку тянущим на себя.

Они желаннее всех желанных
В твоих объятиях деревянных.
Прими, и поровну всем отмерь:
Стони сильнее, родная дверь.

Пусть почаще в тебя заходят,
Недолго ждут, и вдвойне находят.
О том же, съезжившись от потерь,
И сам пою я, родная дверь.

Я тем себя безраздельно тешу,
Что дверь когда-нибудь перевешу.
Да будет ход твой и тих, и мудр,
Дверь, открываемая вовнутрь.

Да будет ясно в тебя входящим
Друзьям и добрым и настоящим,
Что ждут их искренне и давно,
И места в доме полным-полно.

Вот и к зиме прорыв.
Белая мгла вдали,
Голые прутья ив
Тянутся из земли.
Падает мелкий снег
Прямо на воротник.
Капля упала с век...
Что это ты, старик?!

Зима. В Сургуте в это время
День мимолетен, как мечта.
Я на работу еду в темень,
Обратно — та же темнота.

И там, где трасса распрямилась,
Великолепна и строга,
На придорожные снега
Ночное небо опустилось.

Созвездья фар летят весь вечер,
Обозначая поворот:
Двойные белые — навстречу.
Двойные красные — вперед.

МОРОЗ

По Сургуту, Сургуту, Сургуту — тревожные сумерки.
Ах, когда же грядущие белые ночи грядут?
Полушубки не греют, и шутки до времени умерли
Будто градусы холода рта разомкнуть не дадут.

Даже та же луна, наша старая рыжая спутница —
Словно маятник в небе дрожит
от внимательных глаз:
По Сургуту, Сургуту, Сургуту идет межютица,
И застывшей солярки не жжет на обочине КраЗ.

Словно жечь по щеке — не скупятся
ветра на пощечины,
Выжимая короткие слезы и долгую злость,
Но для наших сердец никогда
не найдется обочины,
На которой бы им отдохнуть от работы пришлось.

И краснеют в балках подключенные
в сеть нагреватели,
И сквозь двери двойные парит индевелый подъезд,
И любому морозу мы все же друзья и приятели —
Не об этом ли он и трещит, одичалый, окрест.

Зря я завел себе моду
Весь выходной — взаперти.
Выйду, взгляну на природу,
Чтобы душой отойти.

Возле застывшей протоки
Высится белый обрыв.
Долгие зимние сроки
Будущий держит разлив.

Скоро оттаает полянка,
Желтого плеса тесьма
Как надоевшая пьянка,
Тянется наша зима.

Всюду сугробы, сугробы...
До горизонта, взгляни!
Но уже веет без злобы
Ветер последние дни.

Воздух и чист, и прозрачен,
Солнце глядит веселей...
Вот и предел обозначен
Царству речных хрусталей.

Последняя роскошь ушедшей зимы –
Снежок, осыпающий землю в апреле.
Кому-то на юге цветы надоели –
Какое нам дело до их кутерьмы!

Смотри-ка, на грани меж света и тьмы
Примолк наш Сургут, как дитя в колыбели.
Так тихо, что слышится – сны полетели
Наивные души искать и умы...

Как ясно и просто, поняв небеса,
Живут снегири, воробьи, свиристели.
Сегодня синицы во двор прилетели,
Играли под окнами четверть часа.

Прозрачная роща на поздней заре
Из желтых тонов перешла в голубые.
Зима наконец-то пришла в ноябре,
Березки надели платки кружевные.

Сугроб у крыльца – будто сказочный зверь:
По белому пуху – морозное пламя.

И девочка, выпустив кошку за дверь,
— Куда ты? Простудишься! — машет руками.

Хватает покрепче ее за бока —
Беглянка поводит усами жестоко:
Ей дома сидеть чересчур одиноко,
Хотя и терпимо. Возможно. Пока.

СНЕГОПАД

С утра мело широкими кругами,
А на рассвете падал наугад,
Пространство размечая между нами,
Душа зимы российской — снегопад.

И город перед нашими глазами
Раскинул феерический наряд
С верандами, качелями, шатрами...
И сказке вслед прохожие глядят.

Прошел с лопатой грузный Дед Мороз.
Корявый лист от клена прокатился,
Продрогший и волнующий до слез.

Густеет снег. Плотнее повалился
На рыхлые громады тополей
С каркасами старинных кораблей.

Невозмутимый, вечный снегопад.
Валит, валит растущими кругами!
Под нашими неспешными шагами
Тропою комья белые скрипят.

ТАША РОМАНОВА

ВРЕМЯ – СЛОВА...

Время сложилось в слова,
тянется, словно под горку.
Тают зимы кружева,
но не спеша, потихоньку.

Утром сквозь раму окна
свет проливается щедро.
Так входит в гости Весна
сквозь призму солнечных спектров.

А на дворе кутерьма:
нет ни начала, ни дна.
Горы восстали из снега.
Мальчик на санях с разбега
пробует всех обогнать.

НА КАКИХ-ТО ПОЛЧАСА...

Следы хранит недолго белый снег.
Природные этюды с чудом схожи,
они своими чувствами тревожат.
Следы хранит недолго белый снег.

Коснётся кисть забытого холста,
и оживёт румянец щёк на коже.
Следы хранит недолго белый снег.
Природные этюды с чудом схожи.

А может, посмотреть на небо, вверх?
Ведь этот день тобою, мной не прожит...
Опять летит на нашу землю снег,
его нам дарят ангелы, похоже.

Осталось нам поверить в чудеса
на время, на каких-то полчаса...

ВНУТРИ...

Зима в разгаре; месяц пролетит.
Февраль чуть задержался на пороге.
Уходят в никуда друзья, тревоги,
и нет ни слёз, ни боли, не обид.

Ты думаешь — сгораю изнутри,
и сердце жмёт на выдохе и вдохе?
Зима в разгаре; месяц пролетит.
Февраль чуть задержался на пороге.

Порою сердце крепче, чем гранит,
не делится на части и на слоги.
Хорошее на веки сохранит,
с плохим не дружит, попросту уходит.

На мой век хватит нежности, любви.
Ведь солнце разливается внутри.

СВЕТЛЕЕТ РАНО...

Светлеет рано. Стал длиннее день.
Игривая весна нагрянет скоро
в мой северный, промерзший напрочь город.
Светлеет рано. Стал длиннее день.

На стройных елях шапки набекрень,
их смахивает клювом старый ворон.
Светлеет рано. Стал длиннее день.
Игривая весна нагрянет скоро.

Прольётся дождь, стирая снежный пласт,
и зелень сквозь асфальт пробьётся лихо.
К зиме, пронзённой ветром, не привыкнуть.
Весна — что было отнято, отдаст.

А нам что нужно? — Счастья в грешный мир,
что так прекрасен и неповторим.

ВДЫХАЙ...

Который год зима, зима, зима
деревья одевает в шапки, шубы.
Толчёт, как подобает, воду в ступе.
Который год зима, зима, зима.

Она диктует правила, права.
Февраль не хочет двигаться на убыль.
Который год зима, зима, зима
деревья одевает в шапки, шубы.

Снимать придётся «роскошь» от кутюр,
лишь зимний шлейф оставлю для контраста.
Морозный, с ноткой дымчатой, парфюм
напомнит о мгновениях прекрасных.

Вдыхай, пока сердца не столь больны,
но завтра всё изменится... увы...

РАЗМИНУЛИСЬ...

Капель рифмует чувства по слогам.
Учись читать меж строк о самом главном.
Всё в нашей жизни грешной не случайно.
Капель рифмует чувства по слогам.

Читать могу сквозь время по губам
и верю, что положено начало.
Капель рифмует чувства по слогам.
Учись читать меж строк о самом главном.

Найди меня в толпе, среди людей,
узнай в глазах своё же отражение.
Боюсь меж нами вечная метель
и странностей причудливых вторжение.

Луч света ослепил неосторожно.
Мы разминулись в хаосе дорожном...

БЛАГОДАТЬ...

С утра заснежен старый двор.
и нет следов на узких тропках.
Вдали мерещится собор
белёсым оттиском нечётким.

Под хруст размеренных шагов
светлеет матовый рисунок.
Звенящий тон колоколов
раскрыл святой над миром купол.

И льётся в сердце благодать,
слезой стекая откровенной.
Не плакать хочется, летать,
впуская ток сакральный в вены.

Один лишь миг зажат в горсти,
и в паутине междометий
снежок задиристо хрустит,
и над собором солнце светит...

МЁРЗНЕТ СИНИЦА...

Мёрзнет синица.
Крошки исчезли в снегу.
Голодно. Сыро.

Ветер нахальный
холод вгоняет в нутро.
Сердце остыло.

Птицы под крышами вьют
гнезда из веток.
Рвут из-под крылышек пух
кутая деток...

НИНА СЕРГЕЕВА

Заваривай полынь, дурман-траву,
золой солёной посыпай снега.
Смотри! На стойбищах встают олени в круг,
они несут декабрь на рогах.
Клубится белый пар из под копыт,
растёт на мордах иней бородой.
Декабрь летит, а снег уже подрыв,
и ягель стелется ажурный и густой.
Тропа нездешняя. Шамана вечный смех.
Чернеют льдом Обские берега.
Заваривай полынь и жди рассвет.
Повременим растапливать снега!

Январь настал. Теперь поговорим.
Всё прошлое забыто до поры,
все киноплёнки брошены в архивы.
Бледнеет кожа, волосы, глаза.
Об этом невозможно написать,
вот только промолчать — несправедливо.

Вселенная острее, чем край ножа,
а небо разливается, дрожа,
расходится волнующейся рябью.
Смотри, как набухают снегом хляби.
Смотри, как надвигается пожар.

Январь настал: за ним — Калинов мост,
в нём — ледяные грани Ойкумены.
Январь бежит и ластится у ног,
он солнце обязательно пожрёт,
ему плевать на соль и на порог,
он сам себе и чёрт, и круг из мела,
и крест нательный...

Волосы в снегу... Снег в волосах...
Контраст необычайный.
Что ж, я не в силах отогнать пургу,
так заberi меня к седому очагу,
и завари в огромной кружке чаю.

Корица, перец, красная свеча.
Губами в губы, молча, вдох и выдох...
Январь колотит в дверь, но бог не выдаст,
ведь нам ещё не время отвечать.

И каждый год случается февраль:
затишьем после судорог веселья,
безмолвием заснеженным в дверях,
наутро незаправленной постелью,
несмытым макияжем ярких снов,
которые зовут не просыпаться,
тревогой, разрушением основ.
Без громких слов и ярких интонаций
февраль вещает. И его сигнал
звучит со всех моих радиостанций.

Февраль вещает. И его сигнал —
звеняще замороженная Морзе.
Февраль меня вчера надиктовал
одетой, как всегда, не по погоде,

бредущей мимо вывесок, витрин,
разрозненных видений и иллюзий.
Февраль меня, быть может, позабыл,
а может, доиграл как коду в блюзе.

И хочется, наверное, не зря
достать перо, хлебнуть чернил и плакать.
Мы — точки под диктатом февраля
в его астрономическом диктанте.

Знаешь, в июльскую ночь
происходят другие стихи.
Чуть просоленным снегом горчат,
не выходят наружу,
кривят строки, молчат,
пьют за нас, за луну, за грехи,
врут и кутают в стужу.

Знаешь, в июльскую ночь
к нам приходят земные коты.
Смотрят оком зелёным,
закручивают в изумрудность.
Пахнут шерстью и памятью,
прячутся от пустоты,
спят тепло, непробудно.

Знаешь, в июльскую ночь
не лукавит ни голь, ни король,
не шумят за стеной
ни соседи, ни бесы, ни дети.
Ибо Июль — это были, и пыль,
и несбыли, и соль,
и горячее Вечное Солнце
на позднем рассвете.

МАРИНА КОНДАКОВА

Обозлилась старушка-зима:
Наступили морозы жестокие.
Затопились каминьки в домах:
Столбы дыма — до неба, высокие.

Мягкой ватой в ушах — тишина,
Сверху — небо глазастое, звёздное...
Запрокинулась набок луна,
Улеглась поуютней над соснами...

И мне кажется — эта зима
Никогда больше в жизни не кончится,
А домашних забот кутерьма
Лишь усиливает одиночество...

Я мечтаю уехать туда,
Где песок золотится под пальмами,
И чтоб с неба ночного всегда
Серебристые звёздочки падали...

Чтоб сидеть на морском берегу,
Не боясь, не тревожась, не думая...
Я, наверное, так не смогу.
И мечта моя — попросту глупая...

ОН ВЕРНЁТСЯ!

– Не плачь, подруга, он вернётся!
Гони ты прочь тоску-тревогу!
Разлука встречей обернётся,
И будем вместе мы надолго...

Уютно тарахтел котейка
Декабрьским морозным утром,
Его волшебная шубейка
Переливалась перламутром:

– Давай мы просто сварим кофе,
Колбаски дорогой нарежем,
Сидеть красиво буду, в профиль,
И утро будет очень нежным.

Потом – камин растопим жарко:
Нет ничего на свете лучше,
Чем на диване, в одеялке
Лежать и треск поленьев слушать.

Пусть нами овладеет дрёма,
Вокруг всё станет фантастичным,
Тебе я в царстве невесомом
Романс любовный промурлычу...

Наступит быстро зимний вечер,
Опять с ресниц слеза сорвётся...
И снова вздрагивают плечи...
– Не плачь, родная! Он вернётся!

КОТ-МАНИПУЛЯТОР

Мой домашний тиран
Не даёт долго спать:
«Встала? Быстро пошла
Мой лоток убирать!

Убрала? Накорми!
Не хочу долго ждать!
Телевизор включи!
Начинаю скучать!

Птиц не видно! Скорей
Жалюзи подними!
Я замёрз! Пожалей...
И камин растопи!

...Мы не ели давно!
Встань! Иди разогрей!
Сразу там, заодно,
Молочка мне налей!

Если что, я могу
И пакетом шуршать,
Драть диван и вообще
Всё вокруг разрушать!»

«Ты – тиран! – я кричу
Нету сил никаких!..»
И ответ я прочту
В блеске глаз золотых:

«Обожаю тебя!
Ты – души моей свет!
Для меня ты – одна,
И другой такой нет!»

В какой момент случилось это?
Когда мы стали вдруг чужими?..
Мы счастье растеряли где-то,
Под небом летним, ярко-синим...

Пишу тебе проникновенно-
Ты отвечаешь равнодушно,
И всё, что для меня так ценно,
То для тебя — лишь сор ненужный...

А может, и не вдруг случилось?
А может, потихоньку тая,
Любовь исчезла, испарилась
И у тебя — уже другая...

Живёшь ты без меня отлично.
Зачем вообще тебе писала?
Ну, что ж, мне тоже — безразлично.
И, что хотела, я сказала...

Не рухнул мир. И всё, как прежде:
Всё так же солнышко сияет,
И оттого, что мы не вместе,
Мой кофе вкус не поменяет...

НЕ ДАРИ

Не дари мне роз в горшочках!
Тороплюсь предостеречь:
Жизни хрупкой лепесточков
Не сумею я сберечь.

Почему-то погибают
Все цветочки у меня.

В смерти их я обвиняю
Исключительно себя:

«Может, часто поливаю?
Освещение — не то?
А, быть может, тля какая
Там устроила гнездо?..»

Лучше срезанные розы
В целлофане подари.
Хоть и нет особой пользы
Тратить деньги на «Гран-при»...

Мыслей грустная цепочка
Разъедает изнутри...
Не люблю я роз в горшочках-
Никогда их не дари.

ВАЛЕНТИН ВОРОБЬЁВ

ГОСТЬЯ

Я вчера был в гостях у зимы,
Или в гости она приходила,
С первым снегом ночной кутерьмы,
Только осени мне не хватило.

Она словно непрошенный гость,
Не спросившись, вошла в мои сени
И повесила шубу на гвоздь,
На котором висел плащ осенний.

Ну а осень... Тихонько ушла.
По-английски ушла, не прощаясь,
Унося отголоски тепла,
В снах моих навсегда оставаясь.

ЗИМА

Всего три месяца до первых дней весны,
Всего три месяца — и первый звон капли,
Подснежники, грачи на пашню прилетели,
Ну а пока,.. пока в сугробах пол-страны.
Пока ещё безумствуют метели
И дни и ночи до чего же холодны,
Что кажется — все птицы улетели...
Еще три месяца до первых дней весны.

А В СУРГУТЕ ЗИМА

Последний лист с берёзы улетел,
И лёд на Сайме сковывает воду,
На улице в такую непогоду
Всего лишь несколько спешащих тел.

Уже забыта осени печаль,
Зима свои бразды взяла надолго,
Уже на ветки сосен нежным шёлком
Легла невесты белая вуаль.

И лишь в воспоминаниях тепло,
И, сидя в кресле, ты, укрывшись пледом,
Вновь предаваясь благостным беседам,
Жалеешь — время осени прошло.

ЖАДНЫЙ СНЕГИРЬ

Клюёт снегирь рябину
На утреннем снегу
— Оставь мне половину,
Давай я помогу.

А он клюёт, не слышит,
Ей наслаждаясь всласть,
Клюёт, почти не дышит,
Аж грудь раскрасилась.

Но, им любуясь, детки
Не знают до сих пор,
Что всю рябину с ветки —
Мою, снегирь упёр.

С НОВЫМ ГОДОМ!

Люблю я Новый год – весёлый миг,
Когда дарил подарки Дед Мороз,
Хотя проказник был и озорник,
Но ждал я их с желаньем и всерьёз.

И Дед Мороз конечно это знал,
Нам улыбаясь сквозь усы свои,
Подарки нам под ёлкой оставлял,
Мне и сестрёнке, ровно на двоих.

Прошли года, всё в жизни изменив,
Но в сказку верить я не перестал
И сыновьям я, чудо сохранив,
Хорошим Дедушкой Морозом стал.

И каждый год, пока не повзрослели,
Их письма Дедушке морозу я читал,
Спеша домой сквозь снежные метели,
Подарки ночью им под ёлкой оставлял.

Вновь пролетело время, жалко только,
Что с ним и сказка новогодняя ушла,
Но вот вчера под новогодней ёлкой
Подарок моя внученька нашла.

Смотрел я на неё и радовался чуду,
Как на душе вновь стало хорошо,
И году каждому я радоваться буду,
Как будто Дед Мороз ко мне пришёл.

НАДЕЖДА ЛИШМАНОВА

СНЕГИРИ

Словно яблочки на ветках
Появились среди зимы.
Может, кто-то вновь из лета
Нам их жалует взаймы?

Но такого не бывает —
Столько яблок на снегу,
Нарисую их в блокноте
И на память сберегу.

Опустился к горизонту
Ярко-красный солнца диск,
И стеной стоит морозной
Разноцветный обелиск.

Алый цвет от птиц волшебных
Озарил уснувший лес,
Поднимаясь в небо выше,
Покружился и исчез...

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ДЕКАБРЯ

День заметно убывает,
Ночь темнее и длинней.
В декабре это бывает,
Время движется быстрее.

Пролетит ещё неделя,
Постучится Новый год.
Раскушает город ели,
Праздник сказочный грядёт.

КУСАЧИЙ

Вот уже кусает щёки
На ветру смешной мороз
Знаю, это лишь цветочки,
Дальше будет красным нос.

Ничего, надену маску:
Мне не нужен нос цветной
И малиновой окраски.
Всё, бегу, бегу домой.

Пью чаёк, отогреваюсь
Нос, на мой уже похож.
На мороз ещё ругаюсь,
Но не очень, без угроз.

ЧЁРНО-БЕЛАЯ ЗИМА

Уже времени немало
И за окнами темно.
Дня потеряно начало —
Чёрно-белое кино.

Вечный сумерек, тревожно,
Ночь укутала дома.
И понять это не сложно —
Чёрно-белая зима.

Фонари горят устало,
День и ночь, какая жаль.
Солнце кажется пропало —
Чёрно-белая печаль.

НАХАЛ

Капюшон слетает снова,
Ветер всё-таки нахал.
Знай, что я на всё готова
И уж точно на скандал.

Ты, когда полез под юбку,
Я смолчала, ничего.
Но припомню эту шутку,
А сейчас не до того.

Шарф, намотанный на ветку,
Я простила, это да.
Но ты выхватил беретку
И унёс на провода.

Несерьёзный, что ж, бывает,
Но я дамочка в годах.
Если сердце моё тает,
Это только на словах.

ВИТА ФЕДИНА

ОСТАНОВКА

Город припорошило неожиданно,
Было минус тридцать, стало пять,
Острольдиственные юбки балерин,
Взвились сталагмитами торчать.

Замерли машины на дорогах,
Снег не поспевают убирать.
Город встал. А может специально
Кто-то путь мешает продолжать?

Может, кто-то нас предупреждает
О преодолениях в пути?
Остановкой этой намекает,
Чтоб все дальше налегке пошли?

Взявшись за руки, идя к единой цели,
За плечами, лишь рюкзак, а в нём тепло
То, что в детстве близкие дарили
Бескорыстно, трепетно, светло...

Город заметает снегом жадно,
Многим в пробках всё ещё стоять,
На звонки любимых отзываться,
Думать, философствовать, мечтать...

НОВЫЙ ГОД

Традициями Родина сильна.
В веках живёт указ царя Петра,
Что Новый год к началу января
Должна теперь встречать Держава вся:

«В домах, на площадях поставить ели,
Украстить в яркие наряды деревá
Поделками и мишурой с искра́ми,
Так праздновать всю ночь, до января!

И не скупиться в пиршествах весёлых
Друг другу мира и любви желать!
Потехами, застольем, фейерверком,
Салюта залпом Новый год встречать!»

И с той поры, в преддверии живём
За праздничным столом, где торт и свечи,
Сквозь время и пространство чуда ждём –
Таинственный полёт к себе навстречу!

РОЖДЕСТВО

Рождество плывет над миром –
Праздник света и любви,
Рождество плывет над миром –
Гимн бессмертию души!

Помогает праздник светлый
Веру в сердце уберечь,
Помогает праздник светлый
Всё недоброе пресечь.

Колокольно-окрылённо
В храмах Рождество поёт,

С клиросов Руси церковной
Гласы небу отдаёт.

Верим — сбудутся надежды,
Воплотятся в жизнь мечты!
Все стремленья наши к миру,
Рождество, благослови!

НОВОГОДНЕЕ ЧУДО

Новогодними делами обернулись будни в семьях —
Шьются платья и костюмы к радостным балам.
Очевидно, не удастся всем попасть
на представленья —
Пандемийские аншлаги угрожают нам.

Духом падать мы не будем — быть веселью!
Гости будут!
А пока я предпочтенье отдаю саням!
И покуда угощенья на этапе становленья,
Залихватски мчусь я с горки — предаюсь мечтам!

Холодцу — часа четыре; оливье, нарезки — в силе;
«Шуба», «Крабовый», «Мимоза» —
в холодильник — ждать!
Всё! Скорее из квартиры! И дышать!
К снегам, где шири!
С верой в сказочное чудо счастье осязать!

Кутерьмой предновогодней счастлив
мир людской, свободный,
Ширь души овеществлённой он готов ваять!
Дорогих, родных и близких угощать и жечь записки
И с бокалами в куранты чудо осязать!

КОНТРАСТНАЯ ЗИМА

Серебрится морозный воздух,
Мол, прими меня здесь и сейчас!
Завтра – оттепель по прогнозу –
Не вдохнёшь столь жемчужный пейзаж!

Невдомёк мне, что сбудется завтра,
Прикрываю от искр глаза,
Вот, и вечер пришёл:
Ах, как жалко, что
Жалела себе серебра!

Не искрила нарядами жарко,
Без внимания к миру жила,
Где чарует и манит украдкой
Животворная сила твоя!

Вечер студит. У ветра-театра
Запуржила седая метла.
Завтра солнышко встречу нарядной!
Обниму, созерцая тебя!

СНЕГА ЖДУ!

Снега жду, как покрывала жду!
Что укроет всю, до дна согреет!
На сквозном проветрии живу.
Подусталость душу стервенеет...

Снег пушистый к снам вернёт, в постель.
Спрячет под подмышкой нежноносной,
Жемчугом укутает в метель,
Где уют, манящий с улиц в гнёзда.

ГАЛИНА ИЛЬИНА

К СТАНЦИИ ТОБОЛЬСК

(В поезде Москва – Новый Уренгой)

Я влетаю в холмы безбрежные,
В солнцем залитые даль и ширь!
Мчится поезд мой безмятежный
В запорошенную Сибирь.

На высоком холме белоснежном
Золотятся в лучах купола,
И Тобол под покровом заснеженным
Подставляет свои берега.

Тонкой кромкой сосен да елей,
Утонувших в лазури небес,
Окаймляет кремлёвские стены
Этот край, полный дивных чудес.

Жемчугами с хрустальными искрами
Снег пронизан до глубины, насквозь...
Поезд мой принимает к «пристани»
В белоснежье зимы Тобольск.

Даже окна бегут отражением
И свечением на снегу –
Волшебство это солнце посеяло,
Пригласив накануне пургу...

Поезд тронулся, и откосы
Улетают вдаль, серебрясь.
Мимо взгляда снова проносится
Искромётная снежная вязь.

...Нас заморские пляжи дивили,
Экзотические края,
Но прекраснее нет Сибири
В белой мантии января!

ЗА ОКОШКОМ, НА КОРМУШКЕ

За окошком, на кормушке.
Постучали мне с утра
Две синички, две подружки:
«Тук-тук-тук, вставать пора!»
Здравствуй, утро!
Здравствуй, солнце!
Правда, тучи до земли.
«Мы к тебе, — стучат в оконце, —
Прилетели, покорми».
Распахну своё окошко,
Щедро семечки летят,
И пичужки суматошно
Мне «спасибо» говорят.
Не взирая на погоду,
«Чики-рики, фьюти-фьют!»...
...А, сказал недавно кто-то:
«Зимой птицы не поют».
Не могу с ним согласиться,
У меня сомнений нет:
Две подружки, две синицы —
Звонкий песенный дуэт.
Нам на Севере привычны
Малость света, серость туч,
Но —
Жёлтой грудкой на синичках
Поселился солнца луч.
...Даже птичкино участие

Так приятно нам с утра!
«С Новым Годом!
С Новым Счастьем!
Фьюти-фьют, вставать пора!»

НА ИНОМ ПУТИ

До конца не изведаны
наши пути и дороги,
И нам не предсказать
Поворот их возможно крутой:
Ты полжизни отдашь
Очень нужной и важной работе,
А потом вдруг поймешь —
Путь испробовать можно иной.
Здесь, в сургутских снегах,
Среди всех непогод и завьюжий,
Бесконечных дождей
И зудяще-звонящей мошки,
Не могла и помыслить,
Что судьба, подарив берег южный,
Мне подарит в придачу
Всероссийский приезд ребятни.
Нижний Новгород, Питер,
Красноярск, и Москва, и Камчатка,
Вот из Вологды, Омска...
Разноцветие лиц и имён.
...Засыпаю с улыбкой,
Потому что к Вселенскому Счастью
Мое личное счастье
Светлой капелькой тихо прильнёт.

НА ТОНКИХ СОСУЛЬКАХ ИГРАЕТ МОРОЗ

На тонких сосульках играет мороз,
Романсы поёт для застывших берёз.
Берёзы грустны, их печальные «плечи»
Прижались друг к другу доверчиво.

Кто знает, что снилось деревьям в ночи?
Лишь ветер шумит, а берёза молчит,
Быть может, во сне к ней приходит весна,
И вот уже ей не до сна.
В мечтах, она вечно спешащим проходим
Покажет наряд свой зелёный, в серёжках,
В весеннем касании тёплого ветра
Листвой затрепещет в лучах предрассветных...

Но как бы весны поскорей не хотелось,
Зима с новой силой опять налетела,
Обдав размечтавшихся холодком —
В природе идёт всё своим чередом.

РАСПИСНÁЯ ЗИМА

Кружевная, расписнáя
Вновь в Сургут пришла зима,
Белоснежьем обрамляя
Парки, скверы и дома.
Иней серебристой ниткой
По-волшебному вплела:
Предстают картиной зыбкой
Не деревья — теремá.
Белоствольные берёзы
В кисею облачены,
Ветви пали, словно косы,
Аж до матушки — земли.
Взгляд свой кину на берёзу —
Ей любой наряд к лицу,
Как невеста на морозе,

Хоть сейчас веди к венцу.
Словно с вологодских кружев
Близлежащие леса!
На коклюшках русской стужи
Сплетена зимы краса.

НОВЫЙ ГОД У ПОРОГА

Снова зима по российским идёт городам,
Снова в снегах серебристо-хрустальных.
Ждём Новый год и какого-то ждём волшебства,
Что принесёт исполнение надежд и желаний.

Новый Год у порога! Открывайте двери!
Пусть войдёт к вам счастье с радостью
немеряной,
Исполнением мечтаний, богатырским
здоровьем,
И, конечно, с Верою, Надеждой и Любовью!

Время чудес для детей и для взрослых людей!
Счастье, что мы в Дед Мороза по-прежнему верим!
Сделаем шаг и простим все обиды скорей,
И тогда мир станет наш и добрей, и светлее!

Новый Год у порога! Открывайте двери!
Пусть войдёт к вам счастье с радостью
немеряной,
Миром на планете, миром в каждом доме
И, конечно, с Верою, Надеждой и Любовью!

Новый Год у порога! Вы открыли двери?
Так встречайте счастье с радостью немеряной!
Пусть оно поселится в уголках повсюду.
Берегите счастье! Берегите, люди!

ЕВГЕНИЙ МАКСИМОВ

XXI-Й... (ПОХОД ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ)

Двадцать первый.
Двадцать первый...
Новый Год –
Уже не первый.

Новый век –
Всё шире, шире...
Больше – грязи.
Больше – пыли.

И всё уже.
И всё мельче
Все расставленные сети.
И расшатанные нервы...
И час от часу
 не легче.
И не видно тех,
 кто крепче.
И кто – люди,
 и, кто – дети.
Кто – последний,
 и, кто – первый.

Двадцать первый.
Двадцать первый.
Новый Год –
Уже не первый...

ЯНВАРЬ. ПРОШЁЛ НОВЫЙ ГОД

Ну вот, отшипели петарды.
И отгремели салюты.
В школах сели за парты.
И подключили компьютер.

Люди немного устали.
Праздно гулять и кутить.
Но всё же не перестали, —
И продолжают ценить
Свои городские уюты:
Работа. — Дом. — Магазин.
И нет спокойной минуты.
И тратят машины бензин.
Довлеют времени путы.
Опять человек — один...

ЗИМНИЕ ЧУВСТВА

Как хорошо январь прибавил.
Где утро каждое — светлей!
Он белой нежностью разбавил
скупую серость наших дней.
И люди — против силы правил
по капле — сделались добрей.
Их сердца лёд в добре растаял,
и стал священным, как елей.
Таким себе я мир представил,
чтобы он не был ещё злей.

НА МОРОЗЕ

Прогуляться в сорок два
Кто же сможет? А пока...
Я иду. — Трещит мороз.
Побледнели щёки, нос.

И дышать мне не легко.
Но меня спасёт трико. —
Здесь Сургут, а не Сукко.
И до юга далеко...

Эх, метели бы
не взвиться.
Снег прошу я:
не сердиться.
Но погода,
как судьба... —
Может так
распорядиться,
Что завьюжит
снега львица.
И завяжется
борьба.
Словно ветер,
словно птица,
понесётся колесница. —
Новогодняя пурга...
И придётся с ней
смириться.
Будь, что будет.
А пока...

А зима отпускать не спешит.
Снег идёт. И с ветром кружит.

Ну а время... Шуршит, шуршит.
Над людьми пустотой воежит.
Пролетают часы. Минуты.
Незаметные доли секунд...
Времена — это только жгуты,
Что вздымают по жилам бунт.
Когда души раздеты, разуты,
А от жизни — условный пункт,
То не поздно сменить маршруты
И узнать, почём лиха фунт.

СНЕГОПАД В МАРТЕ

За окном
снегопад стеной.
Снегом сыпет
и сыпет с неба.
Его плотный,
воздушный строй
направляет
богиня Геба.

А весна?.. —
Разминулась с зимой.
И срываются все приметы.
А тепло, как путник слепой
Затерялось в лесах где-то.

За окном
снегопад стеной.
Снег — вчера.
Сегодня.
И завтра...

Что же будет тогда с весной?
Ведь прошла половина марта.
У природы каприз такой.
Где б найти для неё форта?

МАРГАРИТА СЛАДКОВА

ВЛИВАЮСЬ

«Если вы просто увидите „Сингапурский Слинг“, вы можете ожидать от него совсем другого, чем то, что он есть на самом деле... У него очень сложный вкус с выраженной горчинкой (джина, вишнёвой косточки) и травянистостью. Скажем так, его не с чем сравнить...»

Вливаюсь в странное,
иное измерение умом.
Спешу —
душа и тело там уже давным-давно,
быть может, с прошлых жизней,
потому
взбивается, бурля, легко коктейль
с твоими телом и душой.
На дне прозрачный слой словесный,
на нём пульсирует
семидесятиградусный нектар
эмоций и сердцебиений,
а сверху окоём сверкает сахарная крошка,
и пьяный плод вишнёвый манит
прикоснуться, выпиться, надкусить...
И ужаснуться,
что это пиршество
возможно было пропустить.

И ТОЛЬКО

Занесённый мёрзлым сахарным песком двор,
сам себя разлюбивший от недостатка света...

Отёкшие оконные линзы заняты только
преломлением зеркал души...

И более чем неважно, с чем сочетается
юбка из кожи невнятно-болотного цвета –
планка, в принципе не состоящая из ступеней,
упала. Пиши-не-пиши...

И только тонкий слой застывшего желтка,
с трудом высосанный жадным глазом
щекочет загривок, солнечное сплетение и
собственно Дантьянь. Зараза.

СТЕПЕНИ ОБНУЛЕНИЯ

Ты много пережил и понял, многое теперь умеешь.

Теперь бы жить!

Но понимаешь, что

ничто не радует, не чувствуешь себя –

покрыта изморозью оболочка Тела!

И с каждым шагом раздается гул.

Стоять – небытие. Движение – раскол и... то же...

Вопросов

новых шквал освободит твой путь.

И пусть теперь ты ничего не знаешь снова. Забыл.

Как будто вышел «ниоткуда», нет основы.

А дальше: по пескам, по преткновения камням –
до новой водной глади

идешь и учишься перемещению себя в пространстве
теперь без всякой помощи извне...

Ты научился страсти, уходить, и «возлюбил».

Но внутреннее око чуть приоткрыто

и сил нет наблюдать, а ведь уже

увита изморозью оболочка Сердца.

И сквозь неё не проникает свет.

Толчки уставшей плоти бьют, как звон колоколов.

Дышать — небытие. И нет без вдоха жизни.

И только

взрыв души освободит поток...

Ты снова удивлен и беспокоен, слаб, бесполезен,

будто болен, немощен, и, не родившись — стар...

Но ты умеешь петь, как соловей, и молвить

виртуозно, скоро, но...

в завесах изморози оболочка Слова...

Попытка вырваться наружу порождает боль.

И мысль невысказанно бьется в

невидимые прутья клеток схем,

но тщетно, ей не удастся преодолеть

запретных тем.

Условий и табу не взломаны засовы.

Молчать — небытие. А прежние слова —

рассыпаны, как лед на камни, пыль...

Но всё еще пытаются осколки вобрать в себя души

былой полёт и вековую сказку-быль...

«Спаси нас Бог!» — а недостаток сути

показало — Время...

А, значит, обнажился недостаток жизни, пустота.

Но, только в новом хаосе спасение

твоей вселенной, а пока

застыла в изморози оболочка Мира

для нового распада и порядка.

Для тебя,

и только.

Где совсем немножко был с тобой на «ты».
Ночь прикроет шторой нас с тобой,
с которой
Пролетел над бездной словно, как во сне.
Просто, без опаски, не боясь огласки,
Что я был однажды в зимний вечер с ней.
Накроет полог ночь на час
И будет долог этот миг.
Никто не видит нас сейчас,
Никто не слышит сердца крик.
Зажмурь глаза колдунья ночь,
Закрой все двери на засов.
Сомненья мы отбросим прочь.
Не нужно нам красивых слов.
Когда мы с тобою, секрет не открою,
Прекрасней не видел я женского тела.
А в сумрачный вечер захочешь
ты встречи,
Готов буду дальше «глупости» делать.
Накроет полог ночь на час
И будет долог этот миг.
Никто не видит нас сейчас,
Никто не слышит сердца крик.
Зажмурь глаза колдунья ночь,
Закрой все двери на засов.
Сомненья мы отбросим прочь.
Не нужно нам красивых слов.

Зима пришла в Югорский край –
напомнить надо просто,
Югра встречает юбилей,
ей будет девяносто.
Мороз сковал прозрачным льдом
поверхность рек, озёр.

Покрыл всю землю белизной
сверкающий ковёр.
Все одевают ёлочки
в предпраздничный наряд.
Огни гирлянд на веточках
морзянкою горят.
Метель закружит за окном
снежинок хоровод.
Под бой курантов за столом
мы встретим
Новый год!

ВЯЧЕСЛАВ САЗАНОВИЧ

Утро зимнее. Темень. Рано.
График сменный. Идёт суббота.
Дом оставив с теплом дивана,
Я отправился на работу.

Блещут звёзды ещё над миром.
А под ними сквозь город спящий
В рейсе вахтовым пассажиром
Я проехал и еду дальше.

Сосны, ивы, берёзы, кедры
У дорожной застыли ленты.
К ним не тянутся руки ветра —
Значит, он тоже дремлет где-то.

Темень. Рано. Идёт суббота.
Я по трассе морозной еду.
И в пути своем до работы
Доберусь я и до рассвета.

Почему по просторной степи
Я иду на ветру индевея? —
Потому что изъял из груди
Своё сердце и выдал тебе я.

Пальцы стынут, мороз по пути
Пробирается в тело сквозь кожу.
Есть одна, кто способна спасти —
Это ты, если только захочешь.

Поспеси тоже сердце отдать
Ты своё мне на вечные веки.
С ним смогу непременно я стать
Теплокровным опять человеком.

А иначе себе я найду
Леденящую смерть — да и только.
Тихо рухну. И с глаз пропаду
Под покровом из снежных осколков.

ХОРОШО ТАМ, ГДЕ МЫ

Хорошо там, где мы, а не там, где нас нет,
Даже если вдали нет привычных нам бед.
Даже если вдали нет ни тьмы, ни чумы —
Хорошо не у них, хорошо там, где мы!

Даже если вдали льётся в реках кисель,
А в крапиве цветёт на ветвях карамель,
Даже если в жару, говорят, там свежо,
Всё равно не у них, а у нас хорошо.

Нам близки холода, ветер, грозы, дожди,
Сапоги нам близки и болота в пути.
И, пускай, лето мы видим реже зимы —
Не у них хорошо, хорошо там, где мы!

ОДНАЖДЫ, В МОРОЗНОЙ ТАЙГЕ

Словно баронессы, в мантиях белёсых,
Выпрямили спины стройные берёзы.
Сединой дышали хвойные бояре,
Княжеские ивы жемчуг примеряли.
Землю принакрыла шуба из зефира,
Ласково сверкая солнечным эфиром.

Всюду серебрились пышные наряды.
Лишь надели реки ледяные латы,
Да ушли из сердца лишние тревоги
Под простую песню искренней сороки.
На душе же стало тихо что-то таять,
Хворь уничтожая, очищая память.

АЛЫЙ СЛЕД ОТ ГУБНОЙ ПОМАДЫ

Зимний день стал у нас коротким,
Три часа, а уже темнеет.
Ветер снег выбивает плеткой
Из замёрзших седых растений.

Запыхтел во дворе прохладном
Жигулёнок с наклейкой «Лада».
В глубине полосы заката
След алеет губной помады.

Ну, а где-то, на дальнем юге,
Несомненно, и день длиннее.
И без воя настёрной вьюги
Там, на юге, сейчас теплее.

Ходят люди вдоль кромки моря,
Ходят в сланцах, а не в ботинках.

К ним с тяжелой волны прибоя
Водяные летят пылинки.

Там жара, а у нас морозы.
Там муссоны, у нас метели.
Там грохочут под молнии грозы,
А у нас спят под снегом ели.

Юг и север – погода контрастна.
Но и общее видится всё же –
Тут и там, если день прекрасный,
Будет вечер прекрасным тоже.

И на юге далёком скоро
Тоже будет черта заката
Опьянять, улыбаясь, взоры
Алым следом губной помады.

Стало резким все и чётким,
Исцелён уставший глаз.
Мне желается в охотку
Обнимать людей сейчас!

Сердце гулко торжествует,
Наслаждается собой.
Тень в сугробе столб рисует
Васильковой полосой.

Воробьи кругом щебечут,
Из ноздрей клубится дым.
Всё, что было столь далече,
Стало близким и родным!

Что случилось — я не знаю! —
Просто иней бархатист,
Просто солнцем день пленяет,
Словно песней гитарист!

В ПРЕДТУНДРОВОМ КРАЕ

Миниатюрные, словно игрушки,
Выросли сосны — две близких подружки.
Ручки колючие, рост — метр с кепкой,
Ножки к земле припечатались крепко.

Лапкой за лапку друг друга хватая
Ввысь подниматься они не желают.
В этом суровом предтундровом крае
Тот, кто огромен, тот не выживает.

Нынче зима. Окопавшись в сугробе
Юные замерли молча особы.
И на заснеженном белом атласе
Нет их ни выше и нет их прекрасней.

Соснам, одетым в искрящийся иней,
Богом дано быть всегда молодыми.
Вечно им выглядеть словно игрушкам,
Двум невысоким, но близким подружкам.

ОЛЕГ РИХТЕР

ХОИНКА

Есть в лесу тропинка,
Но она заснежена.
Там стоит хойнка –
Стройная и нежная.

Ей на плечи шалью
Улеглись снежинки,
Но полна печалью
Хрупкая хойнка.

Нет тепла и света
Под холодным снегом:
Ждёт хойнка лета –
Безудержность бега.

Ей тоскливо в боре
Средь столетних елей.
Знать, над этим горем –
Плакали метели.

Хоинка – (польск. – choinka) – ёлка.

ЗИМУШКА

Ах ты, зимушка-зима, –
Диво искромётное!
Сводишь ты меня с ума
Буйными замётами.

Ты несёшься по стерне,
Как змея хвостатая,
Снег в окно бросаешь мне —
Буд то бы лопатую.

Знаю, с ветром ты дружна
В страсти песнопения.
Ты мне, зимушка, нужна
Для успокоения.

Твоей вьюжной кутерьме —
Я сторонник рьяный,
Так как раненной земле
Ты бинтуешь раны.

Когда настанет час ночной,
Представь, что мы с тобою рядом,
И я призыв услышу твой
За пеленою снегопада.

Я буду думать о весне,
О милой, что зовёт и манит,
О том, что скоро стает снег
И час свидания настанет.

И, так мечтая, я усну,
И будут сны, и мне приснится,
Что ночью я к тебе прильнул,
Целуя влажные ресницы.

И, нарушая ночи тишь
Глубоким вздохом сожаленья,
Ты в это время ощутишь
Моё к тебе прикосновенье...

В утро обычное, хмурое, серое,
В утро, седое от инея, —
В сердце вливалось незыблемой верою
Что-то прекрасное, синее...

Бредили дали, земля отдаленная —
За океаном безбрежного...
Сердце заранее было влюбленное
В славное, доброе, нежное...

Дух мой метался возвышенно-страстно
Следом за дерзкой мечтою...
Вера моя не осталась напрасной —
Был я обласкан судьбою.

Ночи и дни потеряли значение,
Время не знало усилия,
Сердце поплыло по воле течения —
Только бы впитывать синее...

Счастье огромное, счастье тревожное —
Чувствовать тихое таянье...
И невозможное стало возможным
В чистом и нежном дыхании...

НОСТАЛЬГИЯ

Последний час оттикали часы,
И век ушёл,
И век пришёл другой.
Колеблются сомнения весы,
И на пороге топчется изгой...

Что было — поросло уже быльём,
И слышен лишь хронометра отсчёт...
Двадцатый век —
Был сумрачным жильём,
Но сердце —
В нём по-прежнему живёт.

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ НОЧЬ

Эта ночь подружилась с метелью,
В дикой пляске беснуется вьюга,
Воет, плачет безумная вьюга,
Вихри кружат снега каруселью.

Но метель мне совсем не помеха,
Город тонет в таинственном мраке,
И шары фонарей в этом мраке,
Как надёжные, верные вехи.

Мягкий свет отовсюду струится,
На снегу загораются звёзды,
Голубые и жёлтые звёзды,
Запорошили звёзды ресницы.

Захватило вдруг сердце веселье,
В рыхлый снег моё тело бросает,
С ног сбивает и снова бросает —
Не вино, а иное похмелье.

Упаду и замру на мгновенье,
Словно в мягкой пуховой постели,
В этой снежной, холодной постели —
Только миг — вот и всё наслажденье.

Вдруг поплыли откуда-то звуки —
Сладострастное, нежное танго,

До страдания нежное танго,
Вызывая забытые муки.

Я присел на крыльцо, отдыхаю,
И мечтаю смешно и по-детски —
Фантазирую — вот, и по-детски
Невозможное в мыслях желаю.

Но внезапно захлопали двери,
На крыльцо повылазили маски,
Всё чудные какие-то маски,
Всё какие-то черти да звери.

Завизжали, задали заботу,
Зазывают как будто бы в гости.
Хорошо и случайным быть гостем —
Только в дом заходить неохота.

И иду, подгоняемый вьюгой,
Восторгаясь холодным объятьям,
Словно самым желанным объятьям,
С дорогою, желанной подругой.

ГЕОРГИЙ ЕШИМОВ

ЗИМНИЕ ГОРОДА

У Тобольска — знамёна с платформы высокой,
И копчёная рыба в торговых рядах,
И стоят тетрапаки фруктового сока,
И последняя в небе сияет звезда.

Над седым Иртышом наклонилась обитель,
Где в монашеской келье темны образа,
И читающий инок — суровый смотритель
На Аврору поднял голубые глаза.

Но везут поезда в развесёлых вагонах
К северам загулявшую с юга братву,
Словно стаи борзых, ошалевших от гона.
Я меж ними в тумане похмельном живу.

Возвращаюсь в Сургут к надоевшим палатам,
К вороватым торговцам и стаям ворон...
Вы меня к вышкарям заберите, ребята,
Пусть мороз поочистит с различных сторон.

Я забуду в снегах, и пушистых, и белых,
Про созвездие Девы и свой Водолей,
И с ладони кормить буду ласковых белок,
И могучей рукою ласкать соболей.

Не вернусь в теплоту, стыньте, мягкие кресла,
Уходите пустыми назад, поезда,
Здесь, в мерцаньи снегов моя муза воскресла,
И над храмом святым воссияла звезда!

ДЕСАНТ

Снег покоряет Москву,
Бархатный, новорождённый,
Нижут небес синеву
Белых солдат легионы.

Вижу торжественный спуск
И на деревья, и мимо,
Нерасторжимость их уз
Лишь теплотой одолима.

Холодом ранним у скал
Веют от парков аллеи...
Снег покоряет Москву,
Сам я вот так — не умею.

БАЛКОН ИНТЕЛЛИГЕНТА

Спит квартал многооконный.
Возле арки дремлет клён.
Все балконы, как балконы.
Но один не застеклён.

Может, занят был хозяин?
Может, нет его совсем?
Замерзает, замерзает
Там предметов ровно семь.

Стулья с темною обивкой,
Связка книжек и матрац,
Банка с огненной наливкой,
Старомодный керогаз.

Медвежонок неизменный...
Отличительный момент:
Застеклились — бизнесмены,
Без стекла — интеллигент.

ПОЕЗД

Бесконечная аллея,
Высверк фонарей,
И захочется быстрее —
Некуда быстрей...

Над аллеей месяц льётся
Жёлтым фонарем,
Проводница засмеётся —
Ссыплет хрусталём.

Вырывается из сини
Тёмных навших вежд
На простор моя Россия —
На восход надежд.

ЗИМНЯЯ РУСЬ

Русь — это Лес и Степь,
Ели мохнатой ветвь,
Сказочный лунный свет,
лейся!

В чистый морозный хруст,
В яблочно спелый вкус,
В звонкий колёсный пульс
рельсов.

В трепет нагих берёз,
В тихий бескрайний плёс —

Высверком ярких звёзд
неба.

В яростные ключи
Льдинками отстучи,
Запахом из печи
хлеба.

Пусть унесёт меня
Бег удалой коня
В очи, светлее дня, —
к Ладе.

В русской природы ширь,
Сердце, спеши, спеши
В нежный её души
кладезь.

Когда невмочь мне слушать вьюгу
И не помочь больному другу,
Когда не захочу я видеть
Родных, знакомых и гостей,
Возьму машину-трясогузку
И покачу на Профсоюзку:
«Налей, девчонка-несмеяна,
Бензина марки Петролстейт!»

Похожая на Мону Лизу,
Она посмотрит с укоризной:
«А почему я — Несмеяна?» —
И улыбнётся, покраснев...
Запляшут снежные вершины,

По крышам заскользят лавины,
И впадин светлые долины
Помянут негой...
Как во сне...

ПЁТР СУХАНОВ

СУРГУТСКАЯ ЗИМА

Зима по всем по правилам
Взялась и за Сургут!..
Машины, как фонарики,
по улицам
снуют..
Стальные кони в силе,
Дорога
хороша...
Белым-бела Россия,
светлым-светла душа!..

Как будто бы к застолью
снега приглашены –
метельное раздолье
в четыре стороны...
Деревни и деревья
в сугробах до небес,
морозной акварелью
мир разукрашен весь!..
Мне радостно и грустно...
И я схожу с ума,
когда приходит
русская
сургутская зима!..

Как на улице свежо!
И морозец —
С хрустом!
Мне сегодня хорошо,
Мне сегодня грустно...
Вот знакомый палисад.
На заборе щели.
Как и много лет назад —
Во дворе качели.
Здесь я жил,
Гонял собак,
Лазил в огороды...
Нынче всё уже не так —
Остудились годы.
Скоро дом пойдёт под снос —
Разнесут без толку...
Жалко пса —
В такой мороз
И простыть недолго.

ЯНВАРЬ

Как кружится и падает снег,
засыпая нас порознь
и вместе...
Перепутать бы мысли и век,
чтоб не слышать
последних
известий!..
Но, наверное, тем и хорош
всякий день, осыпающий снежностью,

что прекрасны
и правда
и ложь...
Остальное, увы – неизбежность...

ХОЛОД

Как хорошо, что, наконец, один!..
Что никому как будто бы не нужен...
Что женщина, тяжёлая как ужин,
похожа на дымящийся камин...
Наверно, жизнь
расплавил огнём
все ожидания и страсти...
А может, в том-то и несчастье,
что счастье, может быть, не в том?..
И тем не менее – зима...
В такое время не согреют
ни огонёк, что в печке тлеет,
ни грусть, ни горе от ума!..

Зима...
Простуженные как бы,
рыхлят сугробы воробьи...
И, несмотря на то, что слабы,
чирикают о жизни
и любви...
Они ещё не знают, что недолго,
их суетливый птичий век,
Что жизнь смертельна – как осколок,
закрывший резко створки век.
Им не понять
ни нас,
ни время,

не вскинуть, как павлину, хвост...
И всё их скачущее племя
никак
не долетит до звёзд!..

СКВОЗНЯК

Под этот ветер продувной,
и снег, и слякоть —
уже
нам тяжело с тобой
и петь, и плакать!..

Любая песня — как обман...
Любые слёзы — как подделка...
Если Любовь не лечит ран —
жизнь остывает, словно грелка!..

И наше прожитое — зря,
а предстоящее — туманно...
И значит, вместе
ты и я
похожи.
Искренне.
И странно.

А зима удалась на славу!..
До меня, наконец, дошло,
что деревья, цветы и травы
прячут на зиму
всё тепло!..
Оттого и земля прекрасна
что, пути заступая злу,
всё в ПРИРОДЕ живёт согласно

свету,
 холоду
 и теплу!
Много в жизни у нас
неясно...
Но, целуя губы твои,
я люблю тебя всю —
согласно
сердцу,
 памяти
 и любви!
И пускай наша жизнь корява —
как в лесах
меж ветвей
тишина...
А зима удалась на славу —
видно, скорая будет весна!

Зимние рассказы

СЕРГЕЙ МЕЛЬНИКОВ

ПРЕДЗИМЬЕ

Есть в нашей природе тонкая грань, разделяющая унылую осень и зимнюю стужу. Это когда холодное зябкое солнце на рассвете медленно выплывает на небосвод, кутаясь в серую шаль небес.

Солнце поднимается выше, хочет согреть лес, как заботливая мать, своим дыханием греет малое дитё в выстуженной за ночь худой избёнке.

Но, не хватает ему сил одарить теплом, ни берёзку в жёлтом потрёпанном сарафане, ни зелёную ель, вспоминающую о жарком лете, когда она взопревшая, истекала янтарной смолой.

Вот уже и земля застыла от утреннего лёгкого морозца морщинками замёрзшей грязи. Мелкие лужи покрылись хрустальными заусеницами тонкого, белого ледка.

Но, стоит только приближающейся зиме слегка замешкаться, как осень торопливо возвращается, одаривая лес последними остатками тепла, и уже жёлтый лист гонит ветер в отогретой лужице.

В деревнях старики и старухи выходят на завалинки, тепло одетые греются, посматривают на солнце, гадая, какая будет зима.

Детишки, заходя за дровами в сарай, осматривают всеящие на стенке санки, лыжи, коньки, предвкушая зимние забавы, как только снег наметёт сугробы, превратит горки и реки в катки. Набегают по улицам и домой, когда начнёт темнеть, все в снегу, с раскрасневшимися от мороза лицами. Залезут на полати русской печи и отогреваются ласковым теплом от горящих берёзовых поленьев.

Забот для работающих людей в это время много, утеплить окна, двери, проверить, не дует ли в коровниках и сараях.

Лишь старая ворона, раздражённая людской суетой, усядется на крышу, наохлится, искоса поглядывая на рыжего хозяйского кота, бредущего по тропинке, мимо пожухлой картофельной ботвы, поникших цветочных стеблей, презрительно отряхивая налипшую на лапы грязь. Выйдет он на улицу, заскочит на скамейку, остервенело начнёт драть когти о доски забора, затем уляжется, прищулив глаза, и сладко задремлет.

Пройдёт неделя — полторы и опустит зима снежные занавеси, закрутит белой метелью, завоюет одинокой волчицей. И все, люди, птицы, звери, деревья замечтаются о весеннем тепле, о первых проталинах.

МАРГАРИТА СЛАДКОВА

«ВСЁ ЖИВОЕ»

Сегодня, освобождая подоконник от цветов и накопившегося необходимого хлама, чтоб открыть окно полностью, нараспашку (так вдруг захотелось пробуждающего воздуха) и быстро распахивая его по другим местам, отчего-то руки безотчетно потянулись к одной, самодельной картинке. Неявное смятение заставило: под стеклом небольшое журнальное фото с иконы Крещение Руси, вставленное в какую-то рамку в давно забытые времена. Вчера же день Крещения Руси! Может быть, поэтому «потянуло»? Рассматриваю священнодействие не спеша. Проступает незамечаемая ранее сообразность и детали. Дух захватывает, но состояние вопроса не прекращается. Что же еще?..

И, припылённые, как сон, воспоминания постепенно приобретают четкость, и оживляются движениями падающих листьев — таких непохожих один на другой, таких уже нереальных, таких снова удивительных...

Лист 1

Очередная газетно-журнально-книжная зачистка затянулась, впрочем, как и всегда. Жаль выбрасывать почти всё — любая информация на вес золота! Да, перечитывать и просматривать то, что когда-то впечатлило — особое удовольствие, но превратить его в бесконечное не удастся, надо прекращать. Ускоряюсь. Но как возможно выбросить это? Фото иконы... И уже вынутый из журнала лист загибается по нужному контуру.

Лист 2

Конец октября, конечно осень, но по северным меркам иногда и нешуточная уже зима. Для меня же — не просто часть времён года, а круглосуточный, кругломесячный, круглогодичный, нагло вторгшийся в мою жизнь, кромешный холод. Ещё не прижившемуся, но уже без сопротивления перемещающемуся в чуждом пространстве существу мерещиться другой октябрь, где мой октябрьский день рождения — ещё лето...

А у безразличия не стало времён года. Весна? Ужасная вездесущая налесь и грязь. Лето? Бесконечная жжённая песочная пыль. Осень? При чём тут осень? Зи-ма! Вечная зима (почти, как в песне, только наоборот.).

Лист 3

— Выбери, какую хочешь. Обхожу матерскую, не маленькую, надо сказать, поскольку и работ немало и немалых размеров некоторые из них. «Перелистываю» стоящие у стен. Не знаю-не знаю... не нахожу? А может, тяготее к миниатюре? Но скорее всего, это моя патологическая скромность. Она же и задаёт вопрос: «А есть поменьше? Наброски, этюды?»

Что такое? Верчу в руках, не знаю уж сколько времени, какую-то ерунду, пытаюсь понять где верх, где низ, и что это может быть в принципе. Но одно понятно — это она. Почему? Может быть предчувствие, что главным будет не это...

Лист 4

Звонок подруги ввёл в оторопь.

— Мы завтра с Женей едем в храм... Я уже всё узнала, когда и что. Идём с нами. Кстати, ты крещёная? Я не была крещёная, но то, что бабушка Варвара исполняла все церковные традиции и к ней домой со всех ближайших улиц приходили и как на исповедь, и за советом, знала. Поэтому, задавшись этим вопросом, была удивлена...

Невозможный мороз не давал дышать. Залитое слезами от ветра лицо покрывалось ледяными дорожками, а колени, и пальцы рук и ног, казалось, звенели. Ждать автобус? Можно замёрзнуть – маршрут незнакомый, интервал движения непредсказуем. Страх Господень. Как дошли?! Но в старом деревянном Храме Николая Чудотворца натоплено, уютно и ароматно. Все сняли обувь и босыми ногами по тёплому полу – так приятно. Обряд крещения совершался с небольшой группой, в том числе и мы трое: я, Александра и Женя, её сын. Молитвы, песнопения, ладан, голос батюшки... Благодать...

Лист 5

Он пришёл ко мне с замороженной курицей, набором бокалов и, соответственно, вином. Для первой встречи – феерично! В принципе, меня всегда веселил его кофр, даже закрытый: прямоугольный, жёсткий короб на ремне, похожий на рыболовный: простой и волшебный – никогда не знаешь, кто или что выскочит из этой гигантской табакерки (кроме художественных принадлежностей, естественно). Все следующие встречи были также оригинальны. Но я была свободна. Свободна и в этом. Он считал себя свободным по умолчанию (в каком-то из его параллельных миров существовала парочка малолетних обязательств) ... Разошлись обыкновенно. Как из зала по окончании кинофильма. Но на самом деле было окончание шабашной вечеринки. И пора было расходиться всем...

Как в замедленной съемке поворачиваю картинку тыльной стороной к себе. Сначала вижу то ли абстракцию, то ли часть палитры. Поверх краски что-то тушью. Читаю сначала, что различается по кругу: слева – «Здесь был Я», сверху – «перелиться в другое состояние», справа – мое имя. Надпись в центре почти вся расплылась. Тянет непреодолимо разгадать этот ребус, делаю подходы еще и еще, чтоб смотреть незамыленным взглядом. Но нет. Невозможно. И невыносимо – более четверти века

спустя понять, что в своё время подарок был удостоен только торопливо скользнувшего взгляда. Да уж... Но, чувствую, что и это еще не всё и вынимаю крепления. Делаю это очень уж отточено — руки помнят, торопят... Осторожно надеюсь, что возрожденная памятью картинка окажется под фото. Но, тоже нет. Не оказалась. Внутренним зрением ее вижу: незамысловатый пейзаж с подтаявшими, свисающими серыми сосульками. Но сейчас, просвечивающая сквозь время и наледь грязноватая зелень придаёт им тепла, а мои воспоминания — жизни. И поэтому, уже торопливо переворачиваю к себе заднюю стенку... «ВСЁ ЖИВОЕ» Марго в день рождения от автора...

А ниже:

*«Рядовой индустрии праздников,
Заместитель Бога по рекламе,
Господин оформитель и любитель пряников
Я болен страстью делать надписи на раме».*

Чувствую — отлегло. Парадоксы жизни заиграли улыбкой на моем лице и бликами солнца на стеклах окон, стенах. Да. Всё» живое: каждый пройденный шаг, непостижимый до поры, каждая встреча, событие и каждый миг со своими неповторимыми ощущениями праздников, потерь, смешного, простого, великого. И даже — забытое, оставившее вместо себя только знаки-слова.

И уже не важно, что картинку я не сохранила. Жертва оправдана. Подарок явлен трижды: в день рождения, в день преобразования в икону и сегодня, в день вхождения в таинство всего живого.

СКАЗКА ОБ ОПЫТЕ

В некотором царстве Времени-пространства своего мира живет сказочно богатый Опыт. Живет-поживает, сам себя наживает, обогащает, разнообразит, цветёт и пахнет.

Успевает многое: всем вокруг помочь уверенной подсказкой, непрошенным советом, и собственным, не допускающим возражений, мнением.

Вот только главного не замечает — что и каждый день похож на предыдущий, и события — как близнецы, и неприятности всё чаще. И постепенно всё стало таким предсказуемым и неинтересным, что загрузил Опыт безмерно, затосковал и потерял привычный покой, да так, что не усидеть на месте, не устоять в споре, и даже не остановиться в выборе лучшего совета — очень уж разнообразен выбор, опыт-то — богат...

И непреодолимо потянуло куда-то... Но куда? Для чего? И что делать? Бежать? Или ехать? Или искать? Но что?! Метался он долго, но всё по Кругу. И везде было Одно и То же, похожее на себя. Всегда внутренний опыт успевал подсказать, предупредить, помочь и увести с Новой неизведанной дороги...

И, однажды, как говорят «совершенно случайно», на ровном месте, разгорячась в самозабвенной раздаче своего пышущего и растущего, как на дрожжах, опыта — споткнулся о Камень преткновения и покатился кубарем, набивая себе шишки. А когда очнулся — неожиданно для себя заметил, что день-то — Удивительный! Солнце светит — по-Другому, каждое слово и действие — Не повторяется! А всё потому, что и сам человек, и каждый встречный — с каждой минутой растёт, обновляется и видит всегда и всё с более высокой точки обзора, поэтому уже с обновленными желаниями и возможностями, а значит, и знает всё обо всём по-другому.

И осознал Опыт, что, богатея, он устаревает и становится непригодным для новых встреч, дел и приключений — как говорится — «из перекипшего теста не испечь хлеба». Увидел Опыт и вездесущее движение в изменениях и переменах, и, проклюнулся Росток из старого Опыта осознанием, того, что опыт, появившись и прослужив необходимую службу, тут же исчезает, пропадает... Так радуга, порадовав своим совершенством и волшебством, с изменением природных условий истончается и тает. Понял и то, что собственный, даже самый

удачный опыт – никому другому полностью подойти не может.

И вырос Опыт сам из себя, превратившись в Мудрость. А Мудрость открыла ему Скрижали, которые гласили:

1

Пребывание Тебя в этом мире уже говорит
о Твоей ценности и необходимости Твоего опыта
и для тебя самого, и для других;

2

Но Ты отвечаешь только за свою жизнь –
за то, что думаешь и делаешь Ты;

3

Поэтому, Делись опытом, но
не пытайся навязать его другим.

И вдруг Скрижали по прочтении-проявлении своих премудростей сразу же исчезли! Удивился Опыт и очень испугался: как он теперь без них? Не всё успел даже запомнить, не то что – понять! Как теперь о них рассказывать и использовать во благо Других?! Но, ему сразу же всё стало Ясно! Это – Только его Скрижали, и их он тоже должен обновлять в применении, и не лезть всюду со своими советами и с богатым, но уже использованным, причём, Своим опытом.

Он развеселился, вдохновился и решил написать Сказку об Опыте. А дописав завершающее слово, вдруг улыбнулся загадочной и уже мудрой улыбкой, и, перечеркнув название – вывел заглавными буквами:

СКАЗКА О ЖИВОМ ОПЫТЕ ПЕРЕМЕН.

АНЖЕЛИКА БИВОЛ

НОВОГОДНИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШОКОЛАДНОГО МО

Шоколадному Мо не везёт! С ним вечно случаются какие-нибудь истории. Однажды его перепутали с глиняной игрушкой и выставили в музее. Целый день вокруг витрины толпился народ. Его разглядывали, тыкали пальцами в стекло. Мо пришлось стоять целый день, не шевелясь и не моргая. Вечером он сбежал оттуда, когда тётя Маша, вытерев пыль, неплотно закрыла дверцу.

В другой раз люди подумали, что он — обыкновенная фигурная конфета, и выставили в витрине разных вкусовностей. Его даже купил высокий мужчина с красивым букетом. Пока покупатель возился с телефоном, Мо снова убежал.

Тогда Мо, чтобы его не путали с шоколадками и глиняными статуэтками, надел на себя синие штанишки и смешную жёлтую куртку. Но и в таком виде неприятности не заставили себя долго ждать. Его, такого яркого, повесили на новогоднюю ёлку в торговом центре.

Мо очень старался, но не смог спрыгнуть с колючей ветки. Длинная, как змея гирлянда всё время моргала лампочками, у Мо зарябило в глазах. И Мо решился!

— Долго мне тут висеть? — спросил он девочку, подошедшую полюбоваться ёлкой.

— Ой! Впервые в жизни вижу говорящую игрушку!

— Я — не игрушка, я — шоколадный человечек Мо.

— А я — Веточка.

— Слушай, сними меня отсюда, здесь так шумно и душно.

— Ну, хорошо! — девочка сняла его с ёлки. — Пойдѐшь к нам жить?

– И у меня будет настоящий дом? – не верил своему счастью Мо.

– Ба, смотри кого я принесла! Это Мо! Он живой!

– Правда, живой?

– Правда, правда, – ответил Мо, – Веточка предложила мне пожить у вас.

– Как ты думаешь, мама с папой не будут против?

– Разберёмся, – ответила бабушка и позвала Веточку и Мо обедать.

Этой ночью Мо спал в настоящей кукольной кровати с подушкой и одеялом в пододеяльнике. Первый раз в жизни! Ему снилась ёлка. И хрустальные балерины в прозрачных юбочках. И живой снеговик.

– Пойдём со мной в школу? – за завтраком предложила Веточка.

– В школу! Конечно! Там же столько интересного!

– А почему у тебя имя такое странное? – спросил Мо, уплетая шоколадные шарики в молоке из розетки для варенья

– Светлана её зовут, Светочка, а я Веточкой называю, – улыбнулась бабушка.

– А я думаю, девочка, вроде. Почему веточка?

Веточка посмеялась над рассуждениями Мо и стала собираться в школу. Она освободила для Мо самый большой карман рюкзака.

В школе Мо не понравилось – дети шумели, учителя беспрестанно что-то говорили.

– Слушай, долго нам ещё тут торчать?

– Сейчас большая перемена, мы в столовую пойдём, потом ещё два урока. Сиди пока, не выглядывай.

Как это не выглядывай? Когда очень хочется всё посмотреть! Как только класс опустел, Мо вылез из портфеля и отправился осматриваться. Потом вышел в коридор. Удивительно длинный коридор. Испугавшись звонка, Мо упал на пол, притворившись игрушкой. Мимо пробежало несколько ног в ботинках и туфельках. Мо хотел снова принять свой облик, но тут его подняли с пола.

– Какой хорошенький! Что он тут валяется!?

Через минуту Мо снова висел на ёлке!

Он несколько раз потянулся в разные стороны, проверяя на прочность нитку. Нить оказалась крепкой, рваться отказывалась, и Мо замер, обдумывая своё положение.

Веточка пришла из школы расстроенная.

– Что случилось? – спросила её бабушка.

Девочка рассказала, что Мо потерялся в школе.

– Я попросила не высовываться из ранца, пока мы будем в столовой, а когда пришла после обеда, он пропал, – ответила девочка.

– Вот, непоседа! Может быть, на празднике увидишь его?

– Бабушка, я не хочу идти на ёлку, – Веточка хлюпала носом.

– Как это не хочу? Я тебе костюм сшила! – Бабушка достала из шкафа платье снежинки. – И корону! И туфли тебе обшила! Давай-ка попьём чаю, и пойдём, провожу тебя до школы.

Висеть на ёлке без дела было скучно. Мо стал разглядывать соседей. Рыжая Белка, Снеговик, серебристый Робот смотрели на него и улыбались.

– Вы умеете улыбаться?! Вы что живые?

– А... ты... что... думал? – с паузами после каждого слова ответил Робот.

– Я считал, что на ёлках висят обыкновенные игрушки. Вот это да! – Мо вспомнил свой сон и от удивления присвистнул.

Тут же в ответ Пастушок заиграл на дудочке, запиликал старенький Скрипач, а весёлый Барабанщик взмахнул палочками: бом-бом-бом-с.

– Тише вы! – воскликнул Снеговик, – Праздник вот-вот начнётся! Давайте отложим наш концерт на вечер.

– Концерт – концерт – вечером будет концерт, – понеслось эхом по ярусам ёлки.

– А нам можно будет потанцевать? – хором спросили балерины, висящие на разных ветках.

– Конечно! Как всегда, выступят все желающие!

— Я очень хочу увидеть ваш танец, — сказал Мо. Балерины зашукались, зашуршали шёлковыми юбочками.

— Часто у вас концерты?

— Мы оживаем раз в году в день детского праздника. — Ответил Снеговик. — А потом спим в коробках до следующего праздника.

У входа в зал школьников встречали Дед Мороз со Снегурочкой. Снеговики играли с детьми, водили хороводы. Кружились снежинки, всех вовлекая в свой чудесный танец. Веточке было так весело, что она совсем забыла о Мо. Девочка танцевала, рассказывала Деду Морозу стихи, разгадывала загадки. Вдруг ей на голову с ёлки свалилась мишура. Веточка посмотрела наверх и увидела Мо.

— Ты тут? Иди ко мне, — девочка протянула руку.

— Подожди! Не забирай меня сейчас, у нас вечером праздник будет.

— Праздник? У кого у вас? — удивилась Веточка.

— У ёлочных игрушек!

— Ну, ты придумал! Такое бывает? — удивилась девочка.

— Бывает, бывает! Раз в году! Мне повезло, — улыбнулся Мо

— Хорошо, я за тобой завтра приду.

— Да, завтра! У тебя очень красивое платье, — сказал Мо девочке и помахал рукой.

Когда в коридорах школы затихли звуки, а в окнах погас свет, в зале начался праздник.

«Ту-ту-ту-ду! Ду-ду!» — задудели трубачи. Барабанщики заработали палочками «Бам-бам-ба-бам!» Скрипачи взмахнули смычками: «Пили-пили-рим-пили-ли». Игрушечный Дед Мороз стукнул посохом — тут же все игрушки с ёлки оказались на паркете. Если бы их кто-то увидел сейчас, то удивился бы, насколько они стали больше. Словно обыкновенные дети.

Первыми выступали Матрёшки — плясали, махали платочками, топали каблучками, отбивая ритм. Потом Пастушок заиграл на дудочке. Под его мелодию смешно играли-бодались Козочки

и Барашки. Медведи кувыркались и крутили сальто. А Жирафы кланялись длинными, как сама ёлка, шеями.

Оркестр заиграл вальс и на паркет выпорхнули балерины. Они кружились, словно бабочки, выбирали кавалеров. Одна из балерин пригласила Мо.

Мо танцевал в первый раз в жизни! Сначала он несколько раз запнулся, а потом поймал ритм и – раз-два-три, раз-два-три – полетел вместе с партнёршей. Огни ёлки кружились и плыли, и пары танцующих кружились и плыли. Мо веселился, танцевал с куколками, балеринами и принцессами. И удивлялся – всё было, как в его странном чудесном сне.

Клоуны показывали фокусы, дурачились и рассказывали смешные истории. Мо хохотал, подпрыгивал на месте, махал руками, хлопал и топал вместе со всеми. Под конец праздника гусары, оловянные солдатики и моряки в бескозырках прошли маршем вокруг ёлки под звуки оркестра. Дед Мороз снова стукнул в пол посохом, и игрушки повисли на ветвях.

Мо огляделся, собираясь сказать, что ему очень понравился праздник. Он собирался попрощаться, и пообещать, что вернётся. Но на ёлке уже висели обыкновенные игрушки. Праздник прошёл и волшебство закончилось.

Когда пришла Веточка, Мо спросил:

– Ты можешь принести меня на ёлку в следующем году?

– Зачем?

– Через год, в самую волшебную ночь снова оживут игрушки. И будет праздник. Хочу снова увидеться со всеми.

– Хорошо, если ты до этого не сбежишь от меня. А сейчас пора домой, у нас тоже сегодня праздник. Бабушка тебе пальто связала и шапку. Пойдём ночью новогодние салюты смотреть.

ВЯЧЕСЛАВ САЗАНОВИЧ

КАК ВОРОНЫ ВЕСНУ ВЕРНУЛИ

Когда-то, давным-давно, жили вороны на земле Югорской, и так им здесь нравилось, что и знать ничего не хотели о прочих землях. Весной летали они высоко-высоко, радовались первым солнечным лучикам. Летом пели, веселились. А осенью делали запасы на зиму – так же как белки и прочие животные. Зимой они обычно жили в лесу, летали между деревьями, создавали громкий шум и мешали трескучему морозу морозить тайгу.

Дружили вороны только с маленькими птицами – воробьями да синицами. Большие птицы осенью улетали на юг. И каждый раз, когда стая перелетных птиц видела под собой ворон, то сразу же начинала гоготать:

– Эй, вы! Ленивые вороны! Опять мерзнуть остаетесь? – раздавались утиные крики с одного края неба.

– Да силенок у них мало, чтобы улететь! – вторили в ответ утки с другого края неба.

– Пусть остаются здесь! Они же черные, несимпатичные и петь не умеют! Не возьмём их с собой на юг! – несло ещё от кого-то сверху.

И только редкие стаи лебедей с грустью голосили:

– Бедные, бедные черные птицы, как же нам вас жаль! Жаль, жаль...

Все посмеивались над воронами, даже люди.

Но вот однажды, прохладным осенним днем, когда деревья растеряли свои последние листья, собрались обиженные вороны на совет и стали думать, что делать.

– Кошмар-р! Позор-р! Клевета! – кричала старшая ворона, – бр-ратья, сестр-ры, улетим отсюда!!!

– Улетим! Улетим! Нельзя тер-рпеть позор-р! – отвечали остальные вороны.

И они улетели.

А потом пришла зима. Зима оказалась такой лютой, какой раньше не было ни разу – некому было отпугивать морозы от земли. Но постепенно дни становились всё длиннее и длиннее. Солнышко ярче и ярче. Уже пора бы снегу растаять да листве появиться, но морозы никуда не уходили.

Испугались птицы, звери и люди. Не было на земле Югорской никогда раньше таких долгих холодов. Теперь уже они собрались вместе на совет и стали думать, как зиму прогнать. Решили к солнышку обратиться за помощью:

– Солнышко! Согрей нас! Спаси от морозов!

А солнышко в ответ:

– Я и так стараюсь, как могу. Шлю на землю самые жаркие свои лучи. Но не за что им зацепиться, отражаются они от белого снега, как от зеркала, и возвращаются назад, на небо.

Стали люди, птицы и звери дальше думать, как от морозов избавиться. Час думали, два думали – ничего придумать не смогли. И тут на собрание прилетел старый-престарый воробей. Не мог он раньше прилететь, у него крылышки больные были. Узнал воробей, почему так много здесь всех собралось, прокашлялся, посмеялся и говорит:

– Эх вы, глупые звери, люди, птицы! Так долго живете, а не знаете, что тепло на нашей земле из-за ворон весной появляется. Упадет черное воронье перышко на снег, солнечные лучики за него и цепляются. Греется перышко лучами, а от него и земля вокруг нагревается. Сядет ворона на дерево, а лучи в крылышки вороньи пробираются. От крылышек и дерево потом теплеет, и снег рядом с деревом таять начинает. И чем выше сядет ворона на дерево, тем весна лучше будет и лето скорее придет.

Поняли птицы, звери, люди ошибку свою и решили найти ворон, чтобы попросить домой вернуться. Отправили сорбк на поиски. Искали, искали сороки ворон в землях дальних

и отыскивали недалеко от Алтайских гор. И стали просить назад лететь, в землю Югорскую. Пообещали ещё, что люди в честь возвращения ворон праздник устроят.

Хорошо у Алтайских гор, но домой все равно хочется. Вновь собралась ворона и стала думать – возвращаться домой или нет. Поспорили, поспорили и решили назад лететь, потому что нигде не может быть так хорошо, как дома.

Прилетели назад, на землю Югорскую и увидели, что к их возвращению люди действительно праздник устроили: поют, танцуют, кашу варят, бублики на деревьях развешивают. Обрадовалась одна из ворон, взмахнула крыльями, и из них перышко черное на землю упало, а вокруг снег таять начал. Села вторая ворона на дерево и вскоре почки зеленые на дереве появились.

Так вороны на землю Югорскую весну вернули. Но с тех пор каждую осень, когда деревья расстаются с листвой, вороны опять собираются вместе и начинают спорить, оставаться ли на зимовку дома. Долго и шумно спорят, но потом все-таки решают улететь. Не забылась ещё обида у них на людей, зверей и остальных птиц. Но и долго находиться далеко от земли своей тоже не могут. Поэтому каждую весну они вновь собираются и летят назад. Да и люди теперь каждый год всегда к возвращению ворон готовятся, чтобы праздник устроить в день их появления, который так и называется: «День ворон».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Никон Сочихин	3
«Разрешите с вами познакомиться...»	3
«Какая погода! Я даже не верю...»	4
Северное сияние	5
Зимнее утро	5
«Февраль снега протёр на тёрке...»	6
«Прощайте, вьюги и метели...»	6
«Видно так повелось уж исстари...»	6
Александра Лазарева	8
Зимний отпуск	8
Подругам детства	8
Ветер с Урала	9
«Лунный шар улыбкою морозит...»	10
Последняя встреча	10
Сибиряки	11
Ожидание	11
Любовь Коробкина	13
Новогодняя пара	13
Новый Год по-восточному	13
Крещенскую ночью	13
Вальс возвращения	14
Рябине	15
«Снег летит лопастый...»	15
«Медленно, вальяжно...»	15
Новогодняя встреча	16
«Давай не будем теревить...»	16
Новогодний ноктюрн	17
Сергей Сметанин	18
Сенной двери жилого вагончика	18
«Вот и к зиме прорыв...»	19
«Зима. В Сургуте в это время...»	19
Мороз	19
«Зря я завел себе моду...»	20

«Последняя роскошь ушедшей зимы ...»	21
«Как ясно и просто, поняв небеса...»	21
Снегопад	22
Таша Романова	23
Время – слова...	23
На каких-то полчаса...	23
Внутри...	24
Светлеет рано...	24
Вдыхай...	25
Разминулись...	26
Благодать...	26
Мёрзнет синица...	27
Нина Сергеева	28
«Заваривай полынь, дурман-траву...»	28
«Январь настал. Теперь поговорим...»	28
«И каждый год случается февраль...»	29
«Знаешь, в июльскую ночь...»	30
Марина Кондакова	31
«Обозлилась старушка-зима...»	31
Он вернётся!	32
Кот-манипулятор	33
«В какой момент случилось это?..»	34
Не дари	34
Валентин Воробьёв	36
Гостя	36
Зима	36
А в Сургуте зима	37
Жадный снегирь	37
С Новым Годом!	38
Надежда Лишманова	39
Снегири	39
Последние дни декабря	39
Кусачий	40
Чёрно-белая зима	40
Нахал	41

Вита Федина	42
Остановка	42
Новый год	43
Рождество	43
Новогоднее чудо	44
Контрастная зима	45
Снега жду!	45
Предновогодье	46
«Зима пришла...»	46
Галина Ильина	47
К станции Тобольск	47
За окошком, на кормушке	48
На ином пути	49
На тонких сосульках играет мороз	50
Расписная зима	50
Новый Год у порога	51
Евгений Максимов	52
XXI-й... (Поход тысячелетия)	52
Январь. Прошёл новый год	53
Зимние чувства	53
На морозе	54
Снегопад в марте	55
Мargarита Сладкова	57
Вливаюсь	57
И только	58
Степени обнуления	58
Алексей Томшин	60
«Сегодня утром выпал снег...»	60
«Завьюжит в окошко ветер...»	60
«Зима пришла в Югорский край ...»	61
Вячеслав Сазанович	63
«Утро зимнее. Темень. Рано...»	63
«Почему по просторной степи...»	63
Хорошо там, где мы	64
Однажды, в морозной тайге	65

Алый след от губной помады	65
«Стало резким все и чётким...»	66
В предтундровом крае	67
Олег Рихтер	68
Хоинка	68
Зимушка	68
«Когда настанет час ночной...»	69
«В утро обычное, хмурое, серое...»	70
Ностальгия	70
Рождественская ночь	71
Георгий Ешимов	73
Зимние города	73
Десант	74
Балкон интеллигента	74
Поезд	75
Зимняя Русь	75
«Когда невмочь мне слушать вьюгу...»	76
Пётр Суханов	78
Сургутская зима	78
«Как на улице свежо!..»	79
Январь	79
Холод	80
«Зима...»	80
Сквозняк	81
«А зима удалась на славу!..»	81
Зимние рассказы	83
Сергей Мельников	85
Предзимье	85
Маргарита Сладкова	87
«Всё живое»	87
Сказка об Опыте	90
Анжелика Бивол	93
Новогодние приключения шоколадного Мо	93
Вячеслав Сазанович	98
Как вороны весну вернули	98

Зимняя Книга Югры

Дизайнер обложки Вячеслав Сазанович
Составитель сборника Вячеслав Сазанович